

Фрэнсис Брет Гарт

**Человек, преследуемый
духами**

Фрэнсис Брет Гарт
Человек, преследуемый духами
Серия «Повести-пародии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9068234

Аннотация

Рождественский рассказ, по Чарльзу Диккенсу.

Содержание

I. Первое привидение.	4
II. Второе привидение.	9

Фрэнсис Брет Гарт Человек, преследуемый духами

I. Первое привидение.

Не говори мне, что это не был «стукальщик»¹. Я достаточно часто видел эту вещь и знаю, в чем тут дело. Так же хорошо знает это мальчик пивовар, разносящий пиво в три часа, – он усиленно машет за решеткою дома или выкидывает бешеные штуки ногами у дверей; также должен быть знаком с ним и мясник, хотя мясники вообще пренебрегают такими пустяками; также знаком с ним и почтальон, для которого стукальщики самой необыкновенной формы суть только человеческие слабости, о которых нужно сожалеть, но приходится пользоваться. И знать также должны об этом деле и пр. и пр.

Но это был *особенный* стукальщик. Станный, особенный, невообразимый стукальщик, – такой таинственный и подозрительный, что полицейский, номер № 37, когда тот впервые попался ему на глаза, тотчас хотел взять его под

¹ «Knocker» – дверной молоток, заменяющий в Англии звонки; а также тот, кто стучится.

арест, но, вступив в соглашение с инстинктами своей профессии удовольствовался тем, что взглянул на него строгим взглядом, не допуская шуток, я твердо надеялся еще открыть его секрет. Стукальщик был безобразный; он имел форму человеческого лица с злым выражением, какое себе только можно представить; это было олицетворение злости. Он держал в губах медный прут. Впоследствии, в непроницаемом будущем, и т. д. и т. д.

Но если при дневном свете это лицо имело свирепое выражение, вы бы посмотрели на него ночью, когда, выглядывая во мраке, оно имело вид фигуры, сидящей в засаде; когда свет от уличных фонарей падал на него и придавал какое-то зловещее выражение его чертам; когда оно, казалось, значительно подмигивало глазами на закутанную фигуру, которая при наступлении ночной темноты тихо пробежала по ступеням лестницы, шмыгнув в таинственный дом; когда дверь, отворяясь, показывала темный проход, в котором фигура, казалось, терялась, как бы сливаясь с таинственным мраком; когда в бурную ночь сильный ветер жестоко колыхал стукальщика, точно желая сорвать его и с торжеством унести с собою. Эта ночь была именно такая.

Ветер бушевал дико, немилосердно. Этот ветер начал свое существование легким деревенским ветерком, но странствуя по промышленным городам, развратился и достигнув большего города ринулся в круговорот жизни без удержу. На углах улиц бурный ветер предавался вакхическим кликам,

срывал шляпы с обессиленных прохожих, и затем, исполнив свою обязанность, торопился далее, как все молодые кутилы – к морю.

Он сидел один в мрачной библиотеке, прислушиваясь к завываниям ветра в камине. Вокруг него в изобилии были разбросаны исторические книги и романы; в руках он держал только-что разрезанную книгу и лениво переворачивал листы, пока глаза его не остановились на портрете, повешенном на Главной стене. Когда ветер забушевал еще сильнее, а темнота на дворе стала еще непроницаемее, странная фигура, имеющая роковое сходство с портретом, появилась за его стулом, опираясь ему на плечо. Человек этот взглянул на портрет и вздохнул. Фигура также взглянула и тоже вздохнула.

– Опять здесь? – сказал человек, которому являлись видения.

– Опять здесь, – повторила фигура тихо.

– Новый рассказ?

– Новый.

– Старая история?

– Старая.

– Я вижу ребенка, – сказал человек, переводя глава со страниц книги на огонь камина, – самый ненатуральный ребенок, образец дитяти. Он преждевременно созрел и философ. Он умирает в бедности, под тихую музыку. Он умирает в роскоши, под тихую музыку. Перед смертью он пишет

завещание; он повторяет молитву Господню, он целует свою няню. Этот ребенок...

– Мой, – сказало привидение.

– Я вижу женщину, небольшого роста, я вижу несколько прелестных женщин, но они все небольшого роста. Они все более или менее глупы и идиотки, но всегда привлекательны и малы ростом. Они носят кокетливые чепчики и передники. Я примечаю, что женская добродетель неизменно стоит ниже среднего уровня, и что они всегда просты и женственны. Эти женщины...

– Мои.

– Я вижу гордую, высокомерную и злую леди. Она высокого роста, имеет вид королевы. Я заметил, что все гордые и злые женщины высокого роста и имеют вид королев. Эта женщина...

– Моя, – сказало привидение, ломая руки.

– Я вижу постоянно что-то угрожающее. Я заметил, что когда должно случиться несчастье, убийство или смерть, есть что-то в обстановке, в местности, в воздухе, что дает предзнаменование, предсказывает событие на целые годы вперед. Я не могу сказать, чтобы я заметил это в действительной жизни ощущение этого поразительного факта принадлежит...

– Мне! – сказало привидение.

Человек продолжал безнадежным тоном:

– Я вижу влияние его в журналах и газетах; я вижу сла-

бых подражателей, которые обессиливают мир бессмысленной формулой. Мне начинает это надоедать. Это не годится, Чарльз! не годится! – И человек опустил голову, закрыв лицо руками и застонал. Фигура строго наклонилась и посмотрела на него; портрет на стене насупил брови, когда он взглянул.

– Несчастный, – сказала привидение, – и как это могло случиться с тобой?

– Когда-то я плакал и смеялся, но тогда я был моложе. Теперь, я желал бы забыть об этом, если бы я мог.

– Да исполнится твое желание. И возьми это с собою, человек, я отказываюсь от тебя. От этого дня ты будешь жить с теми, кого я заменяю. Не забывая меня, ты должен будешь пройти жизненной путь, как будто мы не встречались. Но сперва ты увидишь то, что будет твоим. В час ночи приготовься принять привидение, которое я вызову. Прощай!

Звук его голоса, казалось, замер в утихавшем ветре; человек остался один. Огонь весело пылал и свет пламени, отражаясь на стенах комнаты, рисовал на ней безобразные тени.

– Ха, ха, – засмеялся человек, весело потирая руки: – теперь примемся за пунш из виски и за сигару.

II. Второе привидение.

Час! Удар отдаленного колокола еще не успел замереть, как дверь у входа захлопнулась с перекастистым гулом. В коридоре раздались шаги; дверь библиотеки сама собою отворилась настежь и Стукальщик – да Стукальщик – медленно вошел в комнату. Человек протер рукою глаза, – нет! невозможно было ошибиться, – это было лицо Стукальщика, посаженное на туманное, едва приметное туловище. Медный прут был перемещен изо рта в правую руку, державшую его как дубину.

– Очень холодный вечер, – сказал человек.

– Да, – сказал домовый резким, металлическим голосом.

– Должно быть, на дворе довольно прохладно, – сказал человек, стараясь быть учтивым. – Пьете ли вы – не хотите ли выпить кипятку и вина?

– Нет, – сказал домовый.

– Может быть, для перемены вы хотите выпить холодно-го? – продолжал человек поправляясь, вспомнив температуру, к которой, вероятно, привык домовый.

– Время летит, – сказал холодно домовый. – У нас нет времени для пустой болтовни. Пойдем! Он протянул свой жезл по направлению окна и положил свою руку на руку того, у кого был. При его прикосновении тело человека, казалось, сделалось такое же тонкое и бестелесное как сам домовый, и

они вместе исчезли в окне в ночном мраке и буре.

Так быстро они неслись, что человек, казалось, потерял сознание. Наконец, они вдруг остановились.

– Что ты видишь? – спросил домовой.

– Я вижу зубцы средневекового замка. Храбрые воины в кольчугах переезжают цепной мост и пальцами рук, одетых в стальные рукавицы, посылают поцелуи красавицам-дамам, которые в ответ машут им лилейными руками. Я вижу сражение, бой и турнир. Я слышу, как герольды выкрикивают похвалы прелестям хорошеньких женщин и бесстыдно провозглашают имена их любовников. Остановись. Я вижу, как жидовка хочет соскочить со стены башенки. Я вижу рыцарские подвиги, насилие, грабеж и реки крови. Я видел почти то же самое в Астлее.

– Смотри опять.

– Я вижу пурпурные степи, долины, женщин с видом мужчин, босоногих мужчин, подлых книжных червей, еще более насилия, физическое превосходство и кровь. Все кровь, – и господство физической силы.

– А как ты теперь себя чувствуешь? – спросил Гоблин.

Человек пожал плечами. – Нисколько не лучше от того, что меня вернули назад и хотят, чтобы я сочувствовал временам варварства.

Домовой улыбнулся и стиснул его руку; они снова быстро полетели в ночном мраке и снова остановились.

– Что ты видишь? – спросил домовой.

– Я вижу барак и артельный стол, группу пьяных кельтских офицеров, рассказывающих смешные истории и делающих вывозы на дуэль. Я вижу молодого джентльмена-ирландца, способного совершить чудеса храбрости. Я случайно узнаю, что высшая степень героизма, это быть корнетом драгунского полка. Я слышу много разговоров по-французски! Нет, благодарю вас, – сказал поспешно человек, останавливая движение руки домового: – я бы не хотел отправляться на полуостров, и нисколько не ищу частного свидания с Наполеоном.

Снова домовый полетел с несчастным человеком; слыша страшный рев внизу, человек решил, что они несутся над океаном. В виду показался корабль, и домовый остановил его ход. – Смотри, – сказал он, сжимая руку своего товарища.

Человек зевнул. – Не думаешь ли ты, Чарльз, что ты погубишь все это? Конечно, это все очень нравственно и поучительно, и так далее. Но не слишком ли много пантомимы во всем этом? Пойдем теперь!

– Смотри! – повторил недовольный домовый, ущипнув его за руку. Человек застонал.

– О конечно, я вижу корабль её величества, Аретузу. Конечно, я отлично знаю на нем сурового старшего лейтенанта, и эксцентричного капитана, одного очаровательного и нескольких несносных мичманов. Конечно, великолепно – смотреть на все это и не страдать морскойю болезнью. А вот молодежь хочет сыграть штуку с комиссаром. Ради Бога уй-

дем, – и несчастный положительно потащил за собою домо-
вого. Они остановились у начала широкого, бесконечного
луга, среди дубовой аллеи.

– Я вижу, – сказал человек машинально, не дожидаясь во-
проса, точно он повторял урок, которому его выучил домо-
вой, – я вижу благородного дикаря. На него приятно смот-
реть! Но я вижу под его воинственной татуировкой, под пер-
ьями и живописною одеждою, грязь, болезни и несиммет-
ричный контур. Я замечаю под его напыщенными речами об-
ман и ложь; под его отважностью жестокость, злонамерен-
ность и мстительность. Благородный дикарь – хвастун. Я то-
же замечал м-ру Катлину.

– Пойдем, – сказала привидение.

Человек вздохнул и вынул свои часы.

– Не можем ли мы остальное проделать в другой раз?

– Мой час почти окончился, непочтительное создание, но
есть еще шанс для твоего исправления. Пойдем!

Они снова полетели в ночном мраке и снова остано-
вились. Их ушей коснулся звук прелестной, но грустной музы-
ки.

– Я вижу, – сказал преследуемый духами человек, с неко-
торым интересом, – я вижу за лениво текущею рекою старую
мызу, покрытую мохом. Я вижу роковые образы: ведьм, пу-
ритан, священников, малолетних детей, судей, магнетизиро-
ванных девушек, движущихся под звуки мелодии, которая
поражает меня своею чистотою и прелестью. Но хотя эти фи-

гуры несутся по спокойному и ровному течению реки, они очень странны и страшны: злокачественная язва видна на сердце каждой из этих фигур. Не только у священника, но у ведьмы, у девушки, у судьи, у пуританина у всех на сердце выжжены ярко-красные буквы. Я не могу оторвать от них глаз, я весь дрожу, но я чувствую, что какое-то болезненное чувство меня охватывает. Прошу... вашего извинения. – Домовой страшно зевал. Быть может, не лучше ли нам отправиться.

– Еще одно и последнее, – сказал Домовой. Они направлялись домой. На востоке появились красноватые облака. Вдоль берегов реки, мрачно протекавшей по пустырям и стоячим болотам у новеньких домишек, сидевших в уровень с водою и точно молюски выползших ни берег, чтобы немного просохнуть, вдоль темных барок, которые еще труднее было разглядеть сквозь таинственное покрывало, медленно подымался туман, окутывая всю окрестность. Так поднималось и сглаживалось я в сердце преследуемого духами человека и т. д. и т. д.

Они остановились у красивого домика, выстроенного из красного кирпича. Домовой, не говоря ни слова, махнул рукою.

– Я вижу, – сказал преследуемый духами человек, хорошенькую гостиную, вижу моих старых клубных друзей, товарищей по школе, знакомых, именно так как они жили и что делали. Вижу честных и несебялюбивых людей, которых

я любил, и фатов, которых ненавидел. Я вижу, как между нами проходят, иногда сливаясь с их образами, наши старые друзья Дик Стиль, Аддисон и Конгрив. Примечаю, что эти господа имеют привычку слишком часто становиться друг другу поперек дороги. Королевский штандарт королевы Анны, сам по себе не представляющий хорошего украшения, немного чересчур выдается в мой картину. Длинные галерея из черного дуба, старинная мебель, старинные портреты очень живописны, но наводят уныние. Дом сырой. Мне гораздо приятнее здесь на лугу, где устраивают «Ярмарку Тщеславия». Вот колокольчик звонит, занавесь поднимается, принесли марионетки для нового представления. Дай мне поглядеть.

Преследуемый духами человек в своем рвении торопился вперед, но рука домового остановила его и указала ему вниз: у ног своих, между собою и поднимавшимся занавесом он увидел свежую могилу. В сильном горе прильнув к могиле, преследуемый духами человек увидел привидение прошлой ночи.

* * *

Он пошевелился и проснулся. Яркие лучи солнца врывались в комнату. День был светлый, морозный. Он весело подбежал к окну и отворил его. Маленький мальчик приветствовал его: с веселым праздником. Преследуемый духами чело-

век тотчас же подарил ему билет английского банка. «Как похож был этот мальчик на Тини Тима и Бобби, – Боже мой, что за гений у этого Диккенса!»

Стук в дверь и вошел Бутс.

– Ваше жалованье вам удваивается. Читали вы Давида Копперфильда?

– Да, сударь.

– Ваше жалованье увеличивается в четыре раза. Что вы думаете об «Old Curiosity Shop?»

Вошедший человек тотчас же залился слезами и затем начал страшно смеяться.

– Довольно! Вот вам пять тысяч фунтов. Откройте пивную и назовите ее «Наш общий друг». Ура! я так счастлив! И он начал плясать по комнате.

При ярких лучах солнца, наполнявших комнату, и весь сияющий счастьем от содеянного им доброго дела, человек тот уже более не имел видений, разве только видел он во сне то, что снится в прекрасных детских снах, он сел опять в свое кресло и дочитал «Нашего общего друга».

«Вестник Европы», № 4, 1883